

В поэзии Николая Шамсутдинова самый взыскательный и привередливый читатель сможет найти что-то своё. Кто-то богатейший культурологический и исторический контекст. Кто-то замечательную своенравность и раскрепощённость духа, мысли, образа и слога. Не сомневаюсь, что многих читателей привлечёт экспрессивность и ироничность поэтического высказывания, когда «...Лукавая, подмигивает из / Протяжных гласных магия подтекста». А ещё стихи Николая Шамсутдинова примечательны и замечательны тем, что в них слово и синтаксис будто обжигают самих себя какими-то удивительными превращениями и приращениями, из которых происходят не менее удивительные превращения и приращения смыслов.

О. Г.

* * *

Под вечер с отрешённой белизной,
Зажившейся в эпистолах бретонца,
Смешавшийся французский за спиной –
Заложница промозглого прононса:

«Bongoure, mon sheie!»... Тогда, в любой из дней
Зимы, что поселян ввергает в трепет,
Не лицемеря в оттепели, – ей
Милей, с обузой будущего, лепет

Капели в желобах... Но, наповал,
В сугробах, захолустье – не Сорбонна,
А греющийся матерком – не галл
На Иль-де-Франс... Поэтому резонно,

Что, сведущи в оплошностях чужих,
Поживший шарфик затянув потуже,
Ни выводов, ни слабостей своих
Не поверяют вездесущей стуже?

Простоволос восток... Резной карниз
Пернатые, галдя, обсели тесно...
Лукавая, подмигивает из
Протяжных гласных магия подтекста.

Крупнозернист мороз, спят облака,
Пока в приённом образе лингвиста
Вас застаёт обыденность, пока,
Не выпростав из амплуа софиста –

Себя, вы задушевней, коль, ничей,
Сомнителен – как жизнь, в ряду трюизмов,
Лаз в Зазеркалье, может быть, – за ней,
Носительницей внятных галлицизмов,

Затвержено твердящей не с в о ё...
Французский спотыкается, неловок,
И в а ш а воля, побледнев, – в е ё
Лукавых гласных, в музыке обмолвок...

* * *

Высоким предначертанный напевам,
я безнадёжно прозябаю век
В забвении, единоведец древам,
ровно друидам, бранный человек,
Покуда одноземец мой, с обвалом
адреналина в кровь, в слепой провал,
Бредёт по жизни, как лесоповалом,
где и зверье, и птица – наповал...
Так человек, уже порвавший с детством,
с кристальной чистотой его, вдвойне

Варнак,

варнак, дремучим самоедством
длит жалкий век – с нирваною на дне

Стакана. Обуянный поединком
с самим собой и дикий – оттого,
Он жмёт, слепец, жмёт к собственным поминкам,
за что едва ли спросится с него...
Да чем их больше, алчущих и потных,
больных остервенением людей,
Тем меньше (ужаснитесь вы!) животных,
скорбящих в обречённости своей.
Для них, неисчерпаемый в оттенках,
мир поднебесный откровенно лют –
Проекция гигантского застенка,
где, унижая, распинают, бьют...

В остервененье, сердцем неприкаян,
упырь с бессонной бездной из-под век,
Уймись канонизированный, Каин,
погрязший в душегубстве человек!
Ведешь ли счёт обетам и обидам,
не добивай, мордуя, мародёр,
Родимую природу с перебитым
хребтом, с недоумением в упор.
Мор – на твои, убивец, поколенья! –
проmozглыми миазмами дыша,
Она дошла до белого каленья,
мордуемая тварями душа.

* * *

Шельмуем, в поглощенье увлечённостью
Юницами, как муза ни строга,
Лечись, если эмпирик, отвлечённостью
От мира, лирик, уходя в бега
В природу, к снегу...

Перезимовавшее

В тенетах мегаполиса – к стыду,
Непостижимо сердце, перенявшее
Тоску по Пиренеям здесь, в виду

Прогорклого бетона. В чадной замети,
У повседневной падчерицы масс,
Но – прихотливой в прихотях,

у памяти

Хороший вкус: уроки лыжных трасс,
Морозный флирт на горном склоне... Вспоенных
Той свежестью – забвенье не берёт:
Замкнись в прямолинейных снах, настоянных
На ностальгии по бывшему, вот

Чем уязвим и ты, безукоризненный
В буколиках...

Периферийный бренд,

Что ж за особа жизнь, как не пожизненный
Недоброхот наш?

Или – оппонент?

И только в ней, к полемике, теряющей
Иронию и хладнокровье, нет
Ни благодати, ни сердца – извлекающей
Душу на свет, наставшему в ответ,

При бестолочи толков.

В обезбашенном

Мирке, что б он задёрганным ни рек,
Свихнёшься, инородный, в одомашненном
Аду из чада и бетона, век
Не знать б о них... Под облачной рваниною,
Промозглый,

водосточною трубой

Ревёт октябрьский ливень – окариною
Украины, что и в горах с тобой...

* * *

В примирённости с возрастом ведуна, но не стоя
Нареканий, пером собирают в лицо героя
Те черты его, что утрачены в юности. Путь,
Коль диктуют нам, как и по хлябям, так и по тверди,
Обрывается в прошлое, в сумерки... И лишь смерти –
долгожительнице, как ни бейся, всё не вернуть

Триумфатора, ибо, оттачивая упорство,
Но – служба жизни, словно химере, единоборство

С временем оставляет практической в колпаках
Каждого. И тоска, прижитая с печальной датой,
Далеко, адресуема давнему, не ходатай
Перед вечностью... Но, в суевериях и долгах,

Жизнь, в неведение о подоплёке своей, способна,
Порицая, ласкать, и поэтому так подробна
В долгом перечне вин, по привычке топя в вине
Их, как верное зло, градус первой любви... Сторицей
Воздавая ей, но – словно с бездной в лице, патриций,
Он открыл меня, не умаляя иного, – мне,

Словно оригинал... Не послать ли словесность к ляду,
Ведь себя узнаёшь (приглядишься...) по косому взгляду
Из толпы Несчастливых? Что ж, с истечением лет,
Бытие? – вот оно, в чистом виде – тщета и бренность,
Ибо, данная несвоевременной, современность –
Это только аванс ирреального, лишь ответ

Сожалению о невосполнимом... Больно собою,
Сумрачней бытие, чуть подсвеченное душою...
Но покуда рассвет, открывая вверху просвет,
Атмосферу, иными словами, ясней, – оттуда
Он глядит, триумфатор, сюда, где царит простуда,
Но его самого в окаянном бедламе – нет...

* * *

Затерянное в недрах мирозданья,
В плодящихся химерах, бытиё –
Не более чем спазм самопознания –
Ещё возьмёт, ревнивое, своё
В потустороннем. Ничего не стоя
Ему, обременительный живым
Харон, присяжный опекун покоя,
Всей кровью, насторожен, внемлет им,

Попутчикам к высотам эмпирия?
На побережье, под ленивый бриз
С востока, биографию, лелея
Подробности, выпрядывают из
Триумфов и деяний, не взыскупя (?)

Акафиста. Нечаянная столь,
В слепом самозабвенья поцелуя,
Спокойней – вразумляющая боль

От встречного укуса, с записною
Блондинкой из ревю. С прохладным «Ах!»,
Здесь, под индифферентною луною,
Наглядней в её плачущих шажках –
Кокетство... Уговорам не внимая,
В прообразах от первого лица,
Жизнь – падчерица смерти, ножевая,
Что послана, пустая, рвать сердца.

И не одна, взывая к нам, погибла,
Пока, в ночи, рефлексия твердит,
Что человек – нерв будущего, ибо
В нём прошлое, воспалено, болит –
В прогорклом притяженье отторженья
Бессменно, с запустением в глазах,
Чьё воскрешенье – за пределом бденья,
В смертельном обновленье через прах.

* * *

Небрит.., в осенних оспинах... Ему,
Ловящему любую частность чутко,
С судьбою разминувшись, одному –
Невыносимо и, что внове, жутко.
Так, обречён успеху, далеко
Зашёл он, устремлённый, в приращенье
Привязанностей, множимых легко,
Что нет ему возврата. В утешенье

Всего, чем, защемлён тщетою, жил,
Смакуя в прошлом каждую подробность
Альковных схваток, – блеющий зоил
Сердечную поёт нерасторопность...
Его, в ещё задавленных слезах,
Лицо – надрывный слепок со слепого,
В тяжелых складках, времени.., в шагах –
Усталость обезволенного.., слово

Не исцеляет, как и век назад,
И рай, его ж прелестницами предан, —
Давно перелицован небом в ад.
Не потому ль, захлебываясь бредом,
Иначе — пустословьем, что всего
Паскуднее, по примиренью мнимом,
Жизнь знала только *любящим* его,
Но никогда, кремнёвая, — *любимым*?

И за полночь, простёрт, в молчанье, вдоль
Безлюбия чужого, к изобилью
Рацей, он убаюкивает боль,
Надсадно обернувшуюся былью.
Жизнь бьёт его, паскуда, — не добьёт,
Плодя, в текущих подлостях, обиды,
Покуда, в искупленье, не пошлёт
Смерть Филемона у колен Бавкиды...

* * *

В безветрии страстей, на что ни трать
Их здесь, где кротко прозябал Овидий,
Прилив, вечер пролившийся в тетрадь,
Вас оставляет отмели — как мидий,
Как мусор и прах водорослей... Чем
Наглядней — облетающая спелость
Роскошных форм дневных купальщиц, тем,
С гримаскою, сомнительнее смелость

Ассоциаций с гарпиями, что
Противоречит (ли?) стереотипу
«приоритет прекрасного...», зато
Беспорно отсылает к прототипу,
Коль жарко, о внимании моля
И не прощая, ко всему, заминки,
Здрав соски, вершины жизни для
Мужчины — эти женские вершинки

В загаре, что, однако, всё равно
Для киника. С затверженным искусством,
Коль петь закат, то с упоеньем, но
Приятней — под волнообразным бюстом...

Несведущего заумью проняв,
По здравом размышленье, как бывает,
Рапсод, во вдохновенье потеряв,
В скоропостижных лаврах наверстает.

В виду истлевших некогда трирем,
У моря – тускло прозябанье фиша...
А женское, в колечках, лоно – чем
Не авторская, к прилежанью, ниша,
Пока с «нежнолодыжечною», с ней,
Под лаврами..., за дюнами..., в палатке...,
Любовные коллизии – острей,
С игрой страстей и недомолвок в прятки.

* * *

С пустотой из-под каменных век,
В затяжном зачерстевший безлюбье,
Он в безликой толпе, человек, –
Вечный мытарь на лютном безлюдье,
Обрекаемый мраку пустых
Дней, что впору – болезное «страдалец»,
Постоялец коллизий чужих,
Не любимый, не друг – постоялец...

Потому, не вздымающий глаз
От земли, что опору теряет,
Человек, открывающий газ, –
Словно дверь за собой закрывает.
Оставляющий жизнь за спиной,
Во спасенье от мрака, в каморке,
Сокрушённой душою, смурной,
Он припал к инферальной конфорке,

Как к отдушине...И, невесом,
Человек, невесёлая прядка,
Уносим разрушительным сном, –
Аберрация миропорядка
В пересказе морилки. Верна
Постоянству и в этом упорна,
Только ли «с точки зренья зерна»
Смерть, вас всех примирив, животворна?

Предреши́нный исход торопя,
Человек, чтобы не просыпаться,
Углублённо уходит в себя,
Чтоб, в настырности, не возвращаться.
С ним дыша чёрствым смогом одним,
В двоедуше и кривде, знакомы
Лишь подобным себе, перед ним –
Пригубившие гибели, кто мы?...

* * *

Как водится, замкнувшийся в своём
Бесстрастии, по размышленье зрелом –
Зануда, воронёный вороньём,
Январь, взямая кашлем, – за пределом
Реальности. Оконное стекло
В узорах ледяных... Для оборванцев –
Оно, блефуя, густо заросло
Увесистою флорою фламандцев...

Тоска достигла твёрдости кремня,
Ведь, атакуя прелестями, так и
Горячечные чаянья кляня,
Бледней организованные в браке
Томительные оргии. Ничком
На скучной, ледяной простынке, сущей
Лишь в иступлённом прошлом, *ч т о* в больном
Плаксивом бденье ревности, берушей

Минувшее в кавычки? Зуд в крови –
Охрип манок Манон. Вскипая, право,
В дежурном помрачении любви,
По совести, желчь – лучшая приправа
К могучим инвективам. Бытие
Без них скучней... Под крышею случайной,
Существованье длят – в дезабилье,
Не отводя подёрнутое тайной

Лицо сквернавки. Потому и злей
Гротеск в любви, хоть это и напрасно,
Ведь сердце звонко отвечает ей
Счастливыми ударами... Прекрасно!..

Уже изнеможённую, без сил,
Сердечным обречённую частотам,
К т о, задыхаясь, музу научил
Забористым, ядрёным оборотам?